

Т.И. Краснова

РИВШ, г. Минск

**ПЕРЕНОС МЕТОДОВ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ИЗ
НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМАЛЬНОЕ:
ВЗГЛЯД СПУСТЯ 15 ЛЕТ**

(От энтузиазма новичка к лени профессионала)

Практика интерактивных семинаров, основывающаяся на использовании методов активного обучения, в Беларуси начала активно развиваться с середины 90-х годов [1]. Знакомство с данными методами и типом образовательного семинара (или тренинга) белорусских преподавателей и тренеров состоялось благодаря активному участию в образовательных семинарах, проведенных коллегами и экспертами стран Западной Европы и Северной Америки, а также возможности стажировок в этих странах. Для белорусского образования 90-е годы, как и, полагаем, для всего советского пространства, стали временем романтизма и перемен: казалось еще немножко и оно станет радикально иным – более свободным, продуктивным, радостным, жизненным [2].

Практика интерактивных семинаров, которая с самого начала была сориентирована на подготовку тренеров третьего сектора, из пространства неформального образования достаточно быстро перекочевала на территорию высшего образования и дополнительного образования взрослых. И вот прошло более 15 лет, и очень хотелось бы обсудить с сообществом, что мы имеем сегодня в формальном образовании, в котором практикуют люди, имеющие опыт организации и проведения интерактивных семинаров? И почему имеем то, что имеем.

Этот замысел явился для меня мотиватором для написания текста. Было бы любопытно узнать, как с точки зрения коллег, трансформировались или не трансформировались наши представления об организации образовательного процесса в «стратегии активного обучения», на примере курсов повышения квалификации для преподавателей высшей школы.

...В образовании есть много моментов, о которых не принято писать или не очень хочется это делать, потому что они касаются каких-то не столько даже негативных или непонятных сторон организации образовательного процесса, сколько «реальности», которая не совсем соответствует неким «психолого-педагогическим» книжным (специально не используем слова теоретическим, концептуальным и т.п.) или устоявшимся в практике правилам и истинам. Есть даже более жесткий термин, описывающий эту ситуацию «псевдология»¹. Рассмотрим несколько таких моментов, отбор которых произведен на основании двух критериев: нарушение сложившихся правил интерактивных семинаров и симптомы профессиональной деформации преподавателя, организующего их.

Организация пространства. Надоело таскать столы и стулья?

Пространственное расположение в аудитории – «вот, казалось бы пустяк, но раздражать может ужасно» (реплика участника) [3]. Азы интерактивных семинаров предполагают, что пространство аудитории для занятия должно быть организовано так, чтобы можно было посадить

---

¹ Псевдология — патологическая лживость; склонность к придумыванию несуществующего с целью возвышения собственной личности в глазах окружающих [2].

участников в круг. Аксиоматично, что это расположение является наиболее комфортным для образовательного процесса, потому что все видят и слышат друг друга, отсутствуют пространственные барьеры в виде столов между участниками, соблюдается паритетность в коммуникации и т.д. и т.п. К этой аксиоме постепенно добавляются другие нюансы, например, на коленках неудобно писать, полные люди (коих достаточно много среди преподавателей и учителей) чувствуют себя некомфортно в открытом круге, не всегда удобно работать в малых группах и т.п. Правила рассадки «разбиваются» или проверяются на выносливость, когда узнаешь об аудитории за пять минут до занятия, и она оказывается, например, в форме амфитеатра. Сейчас, работая с преподавателями высшей школы, я регулярно нарушаю норму рассадки в круг, во-первых, поскольку стала легче относиться к ней, во-вторых, потому что не всегда можешь заказывать нужную тебе аудиторию², в-третьих, неудобно на 2-3 пары просить профессоров, докторов наук, заведующих кафедрами двигать парты, в-четвертых, внутренне неоправданно требовать от людей делать то, во что они не верят: а именно в важность особой пространственной организации образовательного процесса. С некоторых пор стало интересно пробовать искать средства создания ситуации, когда наши взрослые слушатели сами начинают разворачиваться друг другу в коммуникации. И все таки: «оставить рассадку в аудитории как она дана изначально, и не подогнать её под себя – это уже халатное отношение к делу», да? [3].

---

² Как-то по доброте душевной методисты предоставили для занятия лучшую аудиторию в корпусе университета: зал заседаний ученого совета, который представлял собой ряды удобных мягких с высокой спинкой стульев. Не все сидящие были видны даже ведущему, что касается коллег на удобных стульях, то видели они только рядом сидящих, зато можно было приятно подремать.

Новизна информации. Нужна ли она вообще для взрослого обучающегося?

Насколько новизна информации для слушателей значима в интерактивном семинаре? О новизне чего имеет смысл заботиться в случае интерактивных семинаров для взрослых?

Прописной истиной для обсуждаемой практики является то, что конструирование образовательного процесса желательно осуществлять с опорой на модель опытного обучения Д. Колба. Оснований этой нормы достаточно много, в частности тезисы о том, что «время в сознании взрослых учеников становится короче, учебные потребности фокусируются более остро на насущных проблемах настоящего периода, и предшествующий опыт играет все более важную роль» [4]. То есть опыт участника – это источник и материал учения, а его результат должен быть прагматичен. По идее все сказанное, требует от проектировщика образовательного процесса сосредоточения своих усилий на осредствление работы *с опытом* для «вытаскивания» *практических результатов*, которые человек мог бы применить в своей профессиональной деятельности.

Но... И организатор обучения и его участники – «выходцы» из традиционной парадигмы образования, в которой мерилom успешности является новизна материала. Подтверждения этого положения дел регулярно слышишь в кулуарах, где наши благосклонные слушатели, делясь друг с другом впечатлениями, фиксируют: «Ну что нового *нам* могут рассказать наши преподаватели. Все было очень достойно, они очень старались. Но нам *реально трудно* нечто новое рассказать». Конечно, удовлетворенность новизной – вещь очень субъективная: кто-

то будет удовлетворен 10%, а для кого-то мало будет и 90% новизны содержания.

А какого отношения хотелось бы самому организатору семинара? Как-то мне встретилось любопытное мнение участника, и для себя решила, что, наверное, вот примерно о такой позиции можно было бы и помечтать:

– «Зачем Вы посещаете подобные семинары, ведь Ваш опыт и знания гораздо глубже?

– Видите ли, у меня в голове *есть* своя теория управления, в которой *не хватает* нескольких звеньев. Выслушивая чужой ход мыслей, порой даже банальных, я *надеюсь* эти пробелы *заполнить*. Иногда наталкиваешься на что-то стоящее» [5].

Итак, думаю, что ощущение новизны после занятия у слушателей должно оставаться, но вряд ли оно должно сводиться к новизне транслируемой информации, тогда в чем оно может проявляться? Продолжим обсуждение этой темы в следующей рубрике.

Метафора «выращивания». Может быть полезнее готовые рецепты способов действий?

Как принято в практике интерактивных семинаров, конструктивным результатом обучения на основе опыта (Д. Колб, А. Нокс, Р. Фрайд, Д. Мезиров, П. Джарвис, Д. Шон, Р. Маннингс, и др.) должно стать преобразование его в знания, умения, отношения, ценности и т.п. Соответственно процесс обучения должен быть организован как взаимодействие прошлого опыта с образовательной ситуацией для того, чтобы его активизировать, трансформировать, и осуществить приращение

(за которым кроется «новизна»). Трансформация может иметь разный характер: это и упорядочивание имеющегося, и интеграция нового опыта в уже имеющийся, и его переоценка. Данные процессы обеспечиваются за счет активных методов обучения, дизайн которых производится в соответствии с циклом Д. Колба. Иными словами, работа с опытом осуществляется в стратегии «выращивания»: опыт «лелеется», артикулируется, затем рефлексится, чтобы потом к нему простроить «мосты» из иного опыта (знания, умения и т.д.), обеспечить принятие последнего, и всю эту ассимилированную конструкцию использовать в практике. Но это все в теории... А в практике работа по построению «моста» часто или не удается, или не завершается. И причина этого также известна и аксиоматична: опыт взрослых обучающихся является не только принципиальным источником и средством их образования, но он же инициирует разного типа барьеры для обучения. Именно поэтому одной из принципиальных проблем для экспериентального подхода к обучению является инициирование механизмов трансформации опыта.

В практике примеров сопротивления, при чем, как в форме молчаливого согласия, так и в виде пассивного неделания, встречается множество. Но дабы придать ситуации некоторую ироничность, использую пример такого сопротивления не из практики семинаров, а из академического письма преподавателей. В описании такой экзотической формы обучения взрослых, используемой в зарубежной андрагогике, как «эдьютейнмент»³, которая предполагает усвоение учебного материала в процессе отдыха или развлечения (например, изучение иностранного языка в ресторане), авторы постулируют новизну данной модели

---

³ «Эдьютейнмент» -- от англ. «edutainment» -- «education» (образование) и «entertainment» (развлечение).

образовательного процесса в белорусской дидактике. А далее высказывается тезис о том, что ее применение целесообразно в рамках работы общества «Знание» и на обучающих курсах повышения квалификации, семинарах [6]. Вот такой неожиданный результат ассимиляции.

Вернемся к стратегии выращивания, которая призвана обеспечить создание ситуации недостаточности имеющихся у субъекта интеллектуальных и иных возможностей и поэтапного подведения к конструированию знания, опыта и т.п.

И поскольку стратегия «выращивания»:

- может восприниматься как затягивание времени на пустое проговаривание или длительную самопрезентацию (к чему достаточно склонно некоторые преподаватели);

- до стадии получения конкретного прагматичного результата, как правило, в ней редко удается дойти,

- запрос на прагматичные решения конкретных проблем (например, как, все таки, заставить современного студента читать) не формируется,

то может быть стоит от нее отказаться?

Разнообразие методов. От многообразия к однообразию?

Стратегия «выращивания», о которой упоминалось выше, предполагает умения ситуационно выстраивать разнообразные образовательные события, и для этого нужны средства, в качестве которых рассматриваются АМО. Одна из ключевых, на мой взгляд, ценностей, конституирующих сообщество практикующих активные

методы обучения преподавателей, как раз и является вера в эффективность этих методов.

На самых начальных этапах практики интерактивных семинаров у многих тренеров присутствовало стремление узнать и попробовать побольше новых методов активного обучения. Оно хорошо заметно в публикациях тех лет⁴. Действительно на тот момент было очень важно расширить количество используемых методов и тем самым увеличить свободу в ситуационном маневрировании динамикой образовательного процесса. В какое-то время у каких-то тренеров эта методическая увлеченность превращалась в сверх идею, и как следствие появлялись особого типа семинары, представляющие собой череду сменяющихся методов. Нередко смысл АМО «обслуживать» определенные образовательные цели и обеспечивать их достижение за счет определенным образом организованной учебной деятельности уходил на периферию, а в центре оставалась – их красивая демонстрация.

Еще один очень важный вопрос касается оправданности использования зачастую сложных по форме, но малопродуктивных по получаемому эффекту методов. Поучителен в этом смысле пример коллег, когда стремление активизировать участников и разнообразить образовательное событие привело к забавным последствиям: «Игра называлась «Змея», голова должна была ловить хвост, хвост должен был убежать. Небольшой конференц-зал с 10 столами, Участники – в основном женщины (80-85%) за 30, большинство на каблуках. Результат игры в целом достигнут: участники размялись. Незапланированные дополнительные результаты: 2 сломанных каблука (у двух разных

---

⁴ В названиях книг, и рубрик журналов активно использовались слова: скарбонка, копилка, портфолио и т.п.

участниц), порванный пояс ещё одной, несколько уроненных стульев, на одном столе залитые бумаги Участников – опрокинулся стакан; отдавленные ноги каблуками и синяки в расчет не принимаются» [3]. Забавную историю про неожиданные результаты, которые дают методы, как-то рассказал мне мой добрый коллега: для проработки некоторого содержания использовался метод «Карусель», результат: участники познакомились друг с другом.

Наверное, у каждого опытного преподавателя постепенно складывается своя небольшая копилка любимых методов, оправдание которой каждым объясняется разными обстоятельствами. Например, я в последнее время активно использую активные методы работы с текстом из проекта критического мышления (например, ИНСЕРТ, «Оставьте за мной последнее слово» и т.д.). Отбираю для этого небольшие, колоритные, максимально точные, на мой взгляд, тексты, пытаюсь максимально снять с себя позицию эксперта в содержании, но вбросить экспертные мнения и развернуть коммуникацию вокруг взаимодействия с текстом.

И все таки, чем может быть оправдано стремление к разнообразию АМО? Является ли оно профилактикой против профессиональной деформаций, проявлением которого есть процесс сужения диапазона используемых методов?

Образовательные ритуалы. Методическая регламентированность и / или ситуационное вопрошание?

Итак, следует ли из сказанного выше, что чем опытнее профессионал, тем меньшим арсеналом АМО он пользуется? И чем же в

этом случае он обосновывает то, что продолжает работать в стратегии активного обучения?

Мне кажется, что в качестве оправдания может рассматриваться ситуация, когда АМО как очень сильно регламентирующие и структурирующие образовательные формы заменяются более простым по форме, но более сложным по содержанию и ситуационному применению средством – разного типа вопрошанием.

Вывод. Возможно очень многие приведенные в тексте фиксации – это симптомы профессиональной деформации преподавателя, но, надеюсь, их можно интерпретировать и как важные знаки для ревизии некоторого компендиума норм практики по имени «интерактивный семинар».

Список использованной литературы

1. Краснова, Т.И. Интерактивный семинар — инновационная практика саморазвития педагогических сообществ / Т.И. Краснова // Пазашкольные выхаванне.– 2007. – № 6, С. 25-29; № 7. С. 15-19.

2. Гусинский, Э.Н. Симптом системного заболевания / Э.Н. Гусинский, Ю. И. Турчанинова // Вопросы образования. – 2007. – N 4. – С. 103-115.

3. Матисова, З.П. Взгляд из зала. Что «раздражает» обучаемых в обучении / З.П. Матисова [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.treko.ru/show_article_2323

4. Зарубежные эмпирические теории дополнительного образования взрослых [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.treko.ru/show_article_2323

5. Викентьев, И.Л. Тенденции рынка тренинга и консалтинга / И.Л. Викентьев, А.Б. Соколов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.treko.ru/training-2010>

6. Ракицкий, А.А. Инновационные технологии обучения в системе дополнительного образования взрослых. Зарубежный опыт / А.А. Ракицкий, Н.Я. Новик [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sbmt.bsu.by/pages/eleven_conference